

УДК 94(470.4)(821.163.1)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/20

БОЛГАРСКОЕ КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ X – НАЧАЛА XI в. В ДРЕВНЕЙ РУСИ: СОСТАВ И ИЗМЕРЕНИЯ

Д.И. Польшваннй

Ивановский государственный университет

Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39

E-mail: dipol53@mail.ru

SPIN-код: 1018-8802

Авторское резюме

Как традиционные, так и современные подходы к изучению культурных связей Болгарии X – начала XI в. с современной ей Древней Русью замыкаются на нескольких темах: перемещениях отдельных людей и культурных объектов, создании, переписывании и редактировании отдельных текстов, восприятии и интерпретации отдельных идей и т. д. Крайняя скудость источников ведет к формулированию гипотез в виде догадок, которые трудно как подтвердить, так и опровергнуть. В то же время растущий массив археографических и текстологических открытий в рамках древнейшего пласта письменных свидетельств эпохи формирования общей культурной среды православных славянских народов – *Slavia Orthodoxa* – может, на наш взгляд, проецироваться на более сложное представление о христианской культуре Болгарии этого периода как многомерной целостности, включавшей устную и письменную словесность и опиравшейся на многоуровневое и многоканальное сетевое взаимодействие светских и церковных институтов, монастырских центров и монарших дворов и т. д. В статье приводятся отдельные примеры «измерений» христианской культуры средневековой Болгарии X – начала XI в. и Древней Руси в контексте формировавшейся в это время культурной среды, известной как *Slavia Orthodoxa*.

Ключевые слова: Болгария в X – начале XI в., принятие христианства, христианизация, Преслав, Охрид, Киев, рукописи, книги, библиотека.

BULGARIAN LITERARY HERITAGE OF THE 10TH AND EARLY 11TH-CENTURIES IN OLD RUS': CONTENT AND DIMENSIONS

D.I. Polyvyanny

Ivanovo State University
39 Ermaka Str., Ivanovo, 1530235, Russia
E-mail: dipol53@mail.ru

Abstract

Both traditional and modern approaches to the cultural links between Bulgaria and Rus' in the 10th and early 11th centuries tend to privilege certain topics, such as movements of particular people and cultural objects; the creation, copying and editing of particular texts; or the adoption and interpretation of ideas. The lack of sufficient sources has often encouraged both historians and philologists to rely on hypotheses that look more like guesswork. However, the body of archeographical and textological studies has increased considerably, with special emphasis on the earliest layer of the written evidence dating back to the period during which a common cultural milieu of the Orthodox Slavs – *the Slavia Orthodoxa* – was taking shape. The results of those studies reveal a much more complicated role of the Christian culture of Bulgaria, in both oral and written form. They also highlight the multiplicity of levels and channels through which secular and church institutions interacted – monastic centers, princely courts etc. The present article discusses some examples of particular “dimensions” of the Christian culture of 10th – to early 11th-century Bulgaria in the context of the concomitant rise of the cultural milieu known as *Slavia Orthodoxa*.

Keywords: Bulgaria in the 10th and early 11th centuries, adoption of Christianity, Christianization, Preslav, Ochrid, Kiev, manuscripts, books, library.

Первые десятилетия христианской истории Древней Руси (988–1015) в княжение Владимира Святославича одновременны падению Болгарского царства, завоеванного и развенчанного Иоанном I Цимисхием (969–976) и упраздненного в 1018 г. Василием II (976–1025). Эти события объединяет деятельное и непосредственное участие Византии, которая в разных долях использовала в отношениях со славянами военную мощь и цивилизационную привлекательность «вселенского царства Христа». На рубеже X–XI вв. византийско-славянская общность, в которую вошли и Болгария, и Русь, сочетала

иерархические и сетевые черты. Иерархия обеспечивалась властью василевса ромеев и каноническим авторитетом вселенского патриарха, а сетевое взаимодействие поддерживалось конфессионально-культурными контактами разных уровней на огромном пространстве – от Синаи до Новгорода и от Среднего Дуная до верховьев Волги. Содержание этих контактов составляли распространение служебных, канонических, четых текстов на греческом и славянском языках; перемещение святынь – мощей святых, икон, церковной утвари и шитья; странствия людей, прежде всего духовенства – епископов и монахов (Shepard 2006: 3–7).

В первые века по крещении важнейшую роль в формировании древнерусского христианства сыграло книжное наследие древней Болгарии. Как считал Д.С. Лихачев, оно было «трансплантировано» восточным славянам с официальным принятием христианства, а болгарская литература выступила «посредницей» между Русью и Византией (Лихачёв 1973: 23–44). Р. Пиккио дополнил эту характеристику положением о «литературе-парадигме», имея в виду роль древнеболгарского книжного наследия для южных и восточных славян как собрания языковых, идейных и формальных образцов (Пиккио 1993: 137–170). С некоторыми уточнениями роль болгарской книжности в формировании христианской культуры Древней Руси признается большинством исследователей. Так, А.А. Турилов подчеркивает, что речь идет о «восточноболгарском – преславском варианте болгарской культурной традиции» (Христианство 2002: 452–454). Ф. Томсон, признавая роль болгарской книжности в становлении христианской литературы на Руси, ниспровергал любые попытки выдвижения гипотез, не обоснованных материалом источников, и называл конкретные механизмы влияния «загадкой» (Thomson 1988/1989: 214–261).

Действительно, пока большинство конкретных вопросов, обращенных к обстоятельствам болгарского влияния на древнерусское христианство, или получают взаимоисключающие ответы, или остаются без ответов вообще. К этим вопросам относятся участие в крещении Руси болгарского духовенства; имена и личности участников событий; пути и способы перенесения на Русь болгарского книжного наследия и пр. В научной литературе время от времени возрождаются версии прямых болгарско-русских связей и реконструкции их якобы исчезнувших или намеренно уничтоженных письменных свидетельств (Калоянов 2013: 112–218). Оформившееся в культурном противостоянии Болгарии и Византии X – начала XI в. наследие «Преславской цивилизации» представляется вызовом остальным южным и восточным славянам, запоздавшим с принятием христианства (Божилов 1996: 95–144). Если в научной литературе второй

половины прошлого века то и дело появлялся образ «славянского брата», любовно переписывающего в Преславе переводы греческих книг для далекой Руси, то сейчас его сменяет шарж на древнерусского книжника, занятого «сдиранием болгарских памятней с пергаменов православия» (Калоянов 2007: 215–217).

В данной работе мы ставим перед собой задачу показать на нескольких примерах многомерность взаимодействия наследия Болгарского царства и культуры ранней Древней Руси, оставляя конкретные предположения о балканских истоках древнерусской культуры фоном приводимых примеров без их прямой критики или поддержки. К такому способу включиться в давно идущую дискуссию автора побуждает существенно ограничивающая валидность заключений и выводов скудость источников.

Среди важнейших измерений средневековой болгарской культуры, значимых для ее воздействия на древнерусское христианство, для целей данной работы отметим три. Это общebolгарские и региональные черты болгарской книжности к концу X в.; общие характеристики и различия столичной и провинциальной культуры Болгарии X – начала XI в.; общность и различия культурного облика трех поколений болгар – от новообращенных до их внуков и правнуков; и особенности общественно-политической ситуации в Болгарии во время формирования перешедшего на Русь книжного наследия. После завоевания Болгарии Византией в Киев попал итоговый, по выражению А.А. Турилова, «постумный» срез болгарского книжного наследия (Христианство 2002: 401), сохранивший лишь часть книг и текстов «золотого века». Культурная среда ушедшего в прошлое Болгарского царства, память о котором в древнерусской книжности сводилась к нескольким кратким свидетельствам, заимствованным из византийских хроник, существенно отличалась от Руси первых столетий христианства и была асинхронна ей на фоне современной ей Византии.

Так, в ходе христианизации Болгарии в конце IX – начале X в. обозначились различия в письменности, языке и содержании славянской книжности, создававшейся в восточной части страны и в Македонии. Деятельность первого поколения учеников св. Константина (Кирилла) и Мефодия, прежде всего, Наума и Климента, работавших преимущественно на западе страны, была сосредоточена на создании написанных глаголицей литургических текстов. В Плиске и Преславе в правление Симеона (894–927) был сделан акцент на создании кириллических четых книг. На западе глаголица преобладала до самого падения Болгарского царства в 1018 г., в то время как на востоке к 960-м гг. утвердилась кириллица. Разногласия вызывает

вопрос о возможности и месте транслитерации глаголических книг, которое одни ученые (Т. Славова, С. Темчин) связывают с «преложением книг» в Преславе середины – второй половины X в., а другие (А.А. Турилов) – с длительным переписыванием кириллических текстов с глаголических оригиналов в древнерусских землях и центрах византийско-славянских контактов XI–XII вв. (Христианство 2002: 421–423). На наш взгляд, учет различий в уровнях и измерениях культуры позволяет сосуществовать обеим версиям, объясняя разные аспекты и варианты форм культурного взаимодействия.

У большинства ученых не вызывает возражений гипотеза о единовременном перенесении в Киев обширного книжного собрания из болгарского Преслава, хотя предлагаемые датировки этого события указывают то на время походов Святослава (969), то на женитьбу князя Владимира на византийской принцессе Анне (988), то на приход в Киев священнослужителей из подчиненной Василием II Болгарии (после 1018 г.). Предположения относительно состава так называемой Преславской царской библиотеки и ее судьбы после перенесения в Киев можно свести к следующим положениям:

- в Киев в конце X или в начале XI в. при непосредственном участии византийских светских и церковных властей было перемещено собрание славянских книг преславского происхождения, которое включало богослужебные и четьи рукописи, принадлежавшие болгарским государям;

- древнерусские списки с рукописей этого собрания изготавливались в XI – начале XIII в. по мере возникновения потребностей в тех или иных текстах или книгах, связанных с утверждением государственных и церковных институтов;

- значительная часть преславской библиотеки как цельное собрание была перенесена во второй половине XII в. из Киева в Ростов, где ее застало монгольское нашествие (Гагова 2010: 44–79).

В то же время ограничивать этой «виртуальной» библиотекой весь комплекс древнерусских книг XI–XIII вв., отчетливо восходящих к древнеболгарским прототипам, нет оснований. Разными авторами выделено более трех десятков таких рукописей, не считая двенадцатитомного собрания миней (Федер 2005: 416–417). Прежде всего заслуживает внимания наличие в этом комплексе нескольких парадных иллюминированных кодексов. О них можно судить по Остромирову евангелию 1057 г. (РНБ. Ф.п.1.5) и Учительному евангелию (ГИМ. Синод. 262), воспроизведенным с болгарских прототипов вместе с ктиторскими миниатюрами. Обладание роскошными списками Слова Божия было прерогативой земных государей, визуализировавшей их сакральный прототип – Христа, а их перемещение в Киев, которое не

могло произойти без участия светских и духовных властей «Второго Рима», означало признание Руси частью христианского сообщества государств и народов.

В Преславе такие рукописи можно представить среди прочих чудес болгарской столицы в известном описании «Шестоднева» Иоанна Экзарха, перевод которого из «Точного изложения Православной веры» Иоанна Дамаскина также был представлен в собрании иллюминированной рукописью, где могло иметься ктиторское изображение (ГИМ. Синод. 262): «Я же не умею достойно описать красоту ту и чин. Только тот из вас, кто увидит это телесными очами и постигнет бесплотным умом, сможет восхититься истово...» (Родник 1990: 48).

Уникальные своим статусом, такие книги в Болгарии скорее всего находились в столице и не копировались, но на Руси с ее полицентричностью практика изготовления списков для столиц княжеских уделов известна со времен Ярославичей. С ней связаны два списка Евангелия – Остромирово, изготовленное для новгородского храма Св. Софии в 1057 г., и Мстиславова, также направленное в Новгород в начале XII в. (ГИМ, Синод., 203). Листы из Киевского евангелия, прототип которого мог быть создан в Преславе при царе Петре, как полагают, сохранились в составе конволюта, известного как Молитвенник Гертруды (Италия, Национальный музей г. Чивидале, Cod. CXXXVI).

Часть востребованных на Руси рукописей была связана с интересами высшей светской и церковной власти государства, вступавшего в византийское сообщество. Среди них можно назвать «Изборник» 1073 г. (ГИМ, Синод., 1034), посвящение которого Симеону было переадресовано киевскому князю Святославу Ярославичу (1073–1076); «Княжий изборник», реконструируемый У. Федером и Д. Булановым по «Изборнику» 1076 г., также изготовленному для Святослава (ГПБ, Эрмитажное собрание, 20); древнейший список «Пандект» Антиоха (ГИМ, Воскр. 30); «Златоструй» с Прилогом, сохранившим первоначальное сведение о личном участии Симеона в составлении сборника (старшие списки XV в., напр. ГИМ. Чуд. № 214) (Федер 2005: 407–419). Посвящения и похвалы в русских списках болгарских рукописей были переадресованы потомкам Владимира и Ярослава. Для киевского монаршего семейства и двора мог быть переписан и так называемый Ипполитов сборник (ГИМ. Чуд. 12) с ктиторской миниатюрой, а также протограф так называемого Болгарского хронографа, части которого исследователи видят в «Архивском хронографе» (ЦГАДА. № 279/658) (Горина 2005: 27–31).

Появление не позднее начала XI в. на Руси «преславского собрания», в каком виде и при каких обстоятельствах оно бы ни произошло,

имело исключительное значение для создания начального состава древнерусской книжности. Однако в силу различий между государственным устройством Болгарии, отчетливо сконцентрированной вокруг столицы, и Древней Руси, вскоре по крещении превратившейся в конфедерацию самостоятельных княжеств-уделов во главе с великим князем, режим ее функционирования на Руси существенно отличался от болгарского. Копии дворцовых рукописей могли быть «переадресованы» князьям, получавшим в уделы крупные города – центры епископий, или направлены могущественному главе новгородского самоуправления (Остромирово евангелие).

В комплексе болгарских книг, списки которых обращались на Руси в XI–XII вв., присутствовали рукописи, вышедшие из восточно- и западнотолгарского культурных ареалов и отражавшие не только разные нормы письменности и языка, но и культурные различия столицы Преслава и западных провинций Болгарского царства. Политическое возвышение болгарского запада произошло на фоне упадка Восточной Болгарии после завоевания Преслава в 971 г., однако возвращение восточных областей в состав державы Самуила не привело ни к восстановлению прежнего центра государства на востоке, ни к возвышению сопоставимого с Преславом по значению и полномочиям центра на западе.

Если книжная продукция Преслава была тесно связана с центральными институтами государства и церкви, то на западе образованные при Симеоне в Македонии «епископии славянского языка» делили каноническую территорию с византийскими и состязались с ними во влиянии на уже христианизированное славянское и албанское население (Пентковский и др. 2014: 12–14). Велика, Охрид, Девол и другие центры западных болгарских земель вплоть до приморской Главиницы составляли нацеленный на выход к адриатическому побережью культурный фронт Болгарского государства и его церкви, особенно активный в начале X в. и сохранявший инерцию после смерти Наума (+910) и Климента (+916). Подготовленная в западнотолгарских землях почва наряду с перемещением сюда при Самуиле кафедры патриарха Болгарской церкви послужила основой создания после 1018 г. Болгарской (Охридской) архиепископии с ее уникальной греко-болгарской культурной традицией (Флоря и др. 2000: 76–162). Однако на Руси этот духовный заряд не был востребован в полной мере, и западнотолгарская книжность (возможно, транслитерированная в Преславе) стала источником преимущественно литургических текстов. Общая потребность Руси XI в. в славянских книгах, прежде всего богослужебных, составляла всего несколько тысяч рукописей, огромное количество которых принадлежало всего к нескольким

типам книг – служебные *Евангелие-апракос* и *Апостол*, *Псалтирь*, *Минеи*, *Триоди* и пр.

Отдельные прототипы таких книг, помимо упомянутых выше, могли быть в составе «преславской библиотеки» (краткий и полный апракос, четий и толковый *Апостол*, двенадцатитомное собрание миней и пр.). Однако такие рукописи могли попадать на Русь и через контакты болгарского, древнерусского и греческого духовенства в монастырях Синае, Константинополя, Афона и других центрах монашества в XI–XII вв.

Иными словами, помимо «централизованной диффузии» собрания кодексов и текстов, соответствовавшей структуре политического и церковного управления древнерусскими землями, формирование христианской книжности на Руси шло и по сетевому принципу. Уникальный памятник ранней славянско-византийской культуры – цикл чудес св. Георгия – представляет собой сделанную в начале X в. запись устных рассказов греческих и славянских (возможно, и грузинских «от Иверския страны») монахов о чудесах, сотворенных святым воином в разных частях православного мира (Болгария, византийское Причерноморье, Константинополь, Крит и Малая Азия) (Турилов 2010: 147–166). Состоящий из «вкладных повествований» памятник содержит ядро из семи записанных игуменом Петром в безымянном монастыре близ Никеи рассказов болгарина Георгия. Сам Георгий был рядовым воином, не входившим в княжеское окружение («сана не имел никоегоже, ни есмь жил, где князь живет»), которого уже в зрелом возрасте («егда мя крестиша, уже бех женат») «прозвал... поп в святем крещении» именем великомученика. Рассказчик выучился греческому языку «изусть» по Псалтыри у некоего монаха Софрония, обитавшего «у Всемера града» (Месемврии), после чего пришедший из города священник Савва совершил над ним постриг. Однажды в келье Софрония заночевали пятеро монахов, один из которых, Ефрем, был священником-греком, а остальные четверо – болгарами. По повелению Петра, прозревшего, что Ефрем скрывает некое известное ему чудо св. Георгия, тот поведал историю своего прихожанина болгарина Климента, происходившего из окрестностей Дристра (Доростола). Будучи знатным воином из окружения князя, Климент не только был спасен великомучеником от неминуемой смерти, но и удостоен пророчеством о победе Симеона над врагами и поучением о праведной жизни. После смерти Георгия рассказы были записаны со слов игумена Петра неким Феодулом и впоследствии переведены на славянский язык (Калоянов и др. 2007: 173–191).

Время перевода первоначальной записи (скорее всего, рассказ был записан по-гречески) неизвестно, а сами рассказы распростра-

нялись на Руси как в составе цикла (списки не ранее XVI в.), так и по отдельности, в списках древнерусского извода, старшие из которых относятся к XIV в. Однако для нашей темы важно не столько содержание повествований, сколько среда, в которой происходило общение, и его обстоятельства. Если Петр в сане архимандрита был игуменом большого монастыря неподалеку от Никеи, то келья Софрония даже не принадлежала какой-либо обители (священник Савва приходил в нее из Месемврии, когда в том была надобность). Тем не менее даже в таком малом коммуникационном узле сети восточноправославных монастырей, как показывает описанная выше ситуация, происходило интенсивное общение, результаты которого могли стать (и становились, как показывает пример «Сказания о железном кресте»), частью византийско-славянской книжности, имевшей хождение в Древней Руси. Вероятно, приоритетными в такого рода контактах были специфически монашеские книги, например Патерики (Синайский, Римский, Египетский, Скитский и пр.), известные в ранних древнерусских списках.

Два принципа формирования христианской книжности на Руси, показанные выше – централизованно-иерархический и сетевой, можно проиллюстрировать на материале еще одного раннего болгарского памятника – цикла проповедей пресвитера Козмы, известного по первой части заглавия как «Беседа против богомилов». Она была создана автором, известным только по этому произведению, определенно позднее царствования Петра, о котором в тексте говорится как о прошедшем времени. «Беседа» завершается призывом следовать примеру «Иоанна Прозвитера Новаго, его же и от вас самех мнози знают, бывшего пастуха и ексарха иже в земли Болгарстей, и не глаголите не можете так быти в си лета» (Бегунов 1973: 392). Как считают большинство исследователей, речь здесь идет об Иоанне Экзархе, и Козма сравнивает свое время с началом славянской книжности в Болгарии, утверждая неизбежность церковных институтов и христианской морали вне зависимости от политических изменений и «ратных бед».

Обращают на себя внимание отличие представлений Козмы о духовенстве, монашестве и его общественной роли от персонажей «Сказания о железном кресте». Дружинник Георгий стал монахом, раздав свое имущество бедным, а воин Климент ежегодно приглашал на пиры «от чина церковного попов и черноризцев», лично прислуживая им. (Как утверждал Иаков Мних, устройством таких пиров занимался и князь Владимир, хотя это указание может быть топосом, встречающимся, например, в «Житии Алексия Человека Божьего».) Козма же пишет о бедняках, стремящихся уйти в монастырь, чтобы

не заботиться о семье, о растленных монахах, которые уходят из монастырей, убегая от «чернеческих трудов» и «сквозь грады мнутся, втуне ядуще чюжь хлеб», проводя свои дни, «назирающе, где пиры бывают». Эта тематика, ставшая актуальной для третьего-четвертого поколений болгарских христиан, видимо, и в Древней Руси могла быть востребована на подобном уровне восприятия христианской морали.

Одной из первых из трактата Козмы на Руси была востребована глава «О пользе книг» (в оригинале «О богатых»). Козма свидетельствует, что в его время в Болгарии существовали библиотеки, включавшие полные тексты Ветхого и Нового Завета («Ты бо богат еси, имея вся исполнь Ветхый и Новый Завет»), а духовенство вело диспуты, в которых стороны могли стремиться к победе над соперниками с помощью большей начитанности в Писании и ссылок на его толкования («кънигы исполнены препреных словес»). Одна из таких книг – «Толкования св. Ипполита Римского на книгу пророка Даниила» – могла быть в составе первичного книжного собрания. В ранних древнерусских списках также известны «Толкования на Псалтирь», приписываемые св. Афанасию Александрийскому, «Толковая Псалтирь» Феодорита Киррского, «Толковые пророки» (Алексеев 1999: 159–171). Пафос проповеди Козмы, направленной на поощрение чтения и переписывания книг, в целом соответствовал культурной атмосфере первых столетий древнерусского христианства и мог способствовать ее дальнейшему формированию.

Приведенные выше примеры, разумеется, далеко не исчерпывают даже незначительную часть вопросов, возникающих при попытке дать общую оценку роли культурного наследия Первого Болгарского царства в формировании древнейшего пласта христианской книжности Древней Руси, однако дальнейшее развитие исследований в этом направлении способно интегрировать в общую концепцию многомерного взаимодействия книжного наследия раннесредневековой Болгарии на формирование древнерусской христианской культуры многочисленные частные находки и выводы отечественных и зарубежных ученых, сделанные за последние полвека.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1999 - Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Булаин, 1999. 256 с.

Бегунов 1973 - Бегунов Ю.К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София: Издательство на БАН, 1973. 559 с.

Божилев 1996 - Божилев И. Културата на средновековна България. София: Абагар Холдинг, 1996. 200 с.

Гагова 2010 - *Гагова Н.* Владетели и книги. Участието на южнославянския владетел в производството и употребата на книги през Средновековието (XI–XV вв.) и рецепцията на византийския модел. София: ПАМ Publishing Company, 2010. 338 с.

ГИМ. Синод. 262 - Государственный исторический музей. Синод. собр. № 262.

ГИМ. Синод. 203 - Государственный исторический музей. Синод. собр. № 203.

ГИМ. Синод. 1034 - Государственный исторический музей. Синод. собр. № 1034.

ГИМ. Чуд. 12 - Государственный исторический музей. Чуд. № 12.

Горина 2005 - *Горина Л.В.* Болгарский Хронограф и его судьба на Руси. София: ТАНГРА; ТанНаКра ИД, 2005. 240 с.

Калоянов и др. 2007 - *Калоянов А., Спасова М., Моллов Т.* Сказание за железния кръст и епохата на цар Симеон. Велико Търново: Университетско издателство, 2007. 224 с.

Калоянов 2007 - *Калоянов А.* Славянската православна цивилизация. Т. 1: Началото: 28 март 894 г., Плиска. Велико Търново, Фабер, 2007. 336 с.

Калоянов 2013 - *Калоянов А.* Славянската православна цивилизация. Т. 3: Неделник на българските патриарси и архиепископи. Велико Търново: Фабер, 2013. 278 с.

Лихачёв 1973 - *Лихачёв Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.

Пентковский и др. 2014 - *Пентковский А.М., Мучай С., Джуери С., Ристани И.* Средновековые церкви в долине Шушицы и славянская архиепископия Климента Охридского // *Slovene. International Journal of Slavic Studies*. 2014. № 1. P. 12–14.

Пиккио 1973 - *Пиккио Р.* Православното славянство и старобългарската културна традиция. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1993. 724 с.

РНБ. F.n.I.5 – Российская национальная библиотека. F.n.I.5.

Родник 1990 - Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / Пер. И.И. Калиганов, Д.И. Польшванн. М.: Худ. лит., 1990. 528 с.

Турилов 2010 - *Турилов А.А.* Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья. М.: Знак, 2010. 476 с.

Федер 2005 - *Федер У.* Хиляда години като един ден. Животът на текстовете в православното славянство. София: Издателство на БАН, 2005. 464 с.

Флоря и др. 2000 - *Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А.* Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб.: Алетейя, 2000. 324 с.

Христианство 2002 - Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М.: Языки славянской культуры, 2002. 476 с.

ЦГАДА. № 279/658 – Центральный государственный архив древних актов. Собр. Гос. архива МИД. № 279/658.

Shepard 2006 - *Shepard J.* The Byzantine Commonwealth 1000–1550 // Cambridge History of Christianity. Vol. 5. Eastern Christianity / Ed. M. Angold. Cambridge University Press, 2006. P. 3–52.

Thomson 1988/1989 - *Thomson F.* The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myths and the Enigma // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. P. 214–261.

REFERENCES

Alekseev, A.A. (1999) *Tekstologiya slavyanskoy Biblii* [The textology of the Slavonic Bible]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Begunov, Yu.K. (1973) *Kozma Presviter v slavyanskikh literaturakh* [Kozma Presviter in Slav literatures]. Sofia: BAS.

Bozhilov, I. (1996) *Kulturata na srednovekovna B'lgariya* [Culture of mediaeval Bulgaria]. Sofia: Abagar Kholding.

Gagova, N. (2010) *Vladeteli i knigi. Uchastiето na yuzhnoslavyanskiya vladetel v proizvodstvoto i upotrebat na knigi prez Srednovekoviето (XI–XV vv.) i retseptsiyata na vizantiyskiya model* [Princes and Books. The participation of South Slav Princes in the production and use of books during the Middle Ages]. Sofia: PAM Publishing Company.

The State Historical Museum. (n.d.) Sinod. Coll. № 262.

The State Historical Museum. (n.d.) Sinod. Coll. № 203.

The State Historical Museum. (n.d.) Sinod. Coll. № 1034.

The State Historical Museum. (n.d.) Sinod. Coll. № 12.

Gorina, L.V. (2005) *Bolgarskiy Khronograf i ego sud'ba na Rusi* [The Bulgarian Chronograph and its fortune in Rus']. Sofia: TANGRA, TanNaKra ID.

Kaloyanov, A., Spasova, M. & Mollov, T. (2007) *Skazanie za zhelezniya kr'st i epokhata na tsar Simeon* [The Tale of Iron Cross and the époque of Tzar Symeon]. Veliko T'rnovo: University Publ.

Kaloyanov, A. (2007) *Slavyanskata pravoslavna tsivilizatsiya* [The Slav Orthodox civilization]. Vol. 1. Veliko T'rnovo: Faber.

Kaloyanov, A. (2013) *Slavyanskata pravoslavna tsivilizatsiya* [The Slav Orthodox civilization]. Vol. 3. Veliko T'rnovo: Faber.

Likhachev, D.S. (1973) *Razvitie russkoy literatury X–XVII vv. Epokhi i stili* [Development of Russian literature of 10th–17th cc.]. Leningrad: Nauka.

Pentkovskiy, A.M., Muchay, S., Dzhuveri, S. & Ristani, I. (2014) Medieval Churches in Shushica Valley (South Albania) and the Slavonic Bishopric of St. Clement of Ohrid. *Slovene. International Journal of Slavic Studies*. 1. pp. 12–14.

Pikkio, R. (1993) *Pravoslavnoto slavyanstvo i starob"lgarskata kulturna traditsiya* [The Orthodox Slavdom and the old Bulgarian culture]. Sofia: Sv. Kliment Ohridski.

RNB. (n.d.) *Rossiyskaya natsional'naya biblioteka* [Russian National Library]. F.n.I.5.

Kaliganov, I. & Polyvyanny, D. (eds). (1990) *Rodnik zlatostruyny. Pamyatniki bolgarskoy literatury IX–XVIII vv.* [The Source of Golden Strings. Monuments of Bulgarian literature of the 9th–18th centuries]. Translated by I.I. Kaliganov, D.I. Polyvyanny. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Turilov, A.A. (2010) *Slavia Cyrillomethodiana: Istoschnikovedenie istorii i kul'tury yuzhnykh slavyan i Drevney Rusi. Mezhslovianskie kul'turnye svyazi epokhi Srednevekov'ya* [Slavia Cyrillomethodiana. The study of sources of the South Slavs history and culture. Inter Slavic cultural connections]. Moscow: Znack.

Feder, U. (2005) *Khilyada godini kato edin den. Zhivot"t na tekstovete v pravoslavnoto slavyanstvo* [Thousand years as one day. The life of texts among the Orthodox Slavs]. Sofia: BAS.

Florya, B.N., Turilov, A.A. & Ivanov, S.A. (2000) *Sud'by Kirillo-Mefodievskoy traditsii posle Kirilla i Mefodiya* [The fortunes of the Cyrillo-Methodian tradition after Cyril and Method]. St. Petersburg: Aleteyya.

Florya, B.N. (ed.). *Khristianstvo v stranakh Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy na poroge vtorogo tysyacheletiya* [The Christianity in the states of Eastern, South-Eastern and Central Europe at the edge of the second millennium]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

The Central State Archive of Ancient Acts (TsGADA). № 279/658

Shepard, J. (2006) The Byzantine Commonwealth 1000–1550. In: Angold, M. (ed.) *Cambridge History of Christianity. Vol. 5. Eastern Christianity*. Cambridge University Press. pp. 3–52.

Thomson, F. (1988/1989) The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myths and the Enigma. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 12/13. Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. pp. 214–261.

Полывянный Дмитрий Игоревич – доктор исторических наук, профессор, руководитель Межвузовского центра гуманитарного образования Ивановского государственного университета.

Polyvyanny Dmitriy – Inter-University Center for Humanitarian Education at Ivanovo State University (Russia).

E-mail: dipol53@mail.ru